

VI. Рецензии

Mark Bassin, Sergey Glebov, Marlene Laruelle, eds. *Between Europe and Asia: The Origins, Theories and Legacies of Russian Eurasianism*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2015. 267 p.

До недавнего времени российская концепция под названием «евразийство» была известна лишь небольшим кругам ученых гуманитарных и общественных наук Запада. Это было оправдано, поскольку евразийская идея не имела большого политического и интеллектуального влияния. После того, как Владимир Путин в 2011 г. объявил о своем плане по созданию новой международной организации, названной «евразийской», и после официального основания Россией, Казахстаном и Беларусью Евразийского экономического союза (ЕАЭС) 1 января 2015 г., вопрос о том, что подразумевается под термином «евразийство» представляет больше, чем просто академический интерес. Кыргызстан, видимо, по своей свободной воле, а Армения после некоторого давления со стороны России теперь также вошли ЕАЭС, а ряд стран по всему миру ведет переговоры с Москвой о создании зон свободной торговли с новым экономическим союзом. Украина, с другой стороны, последовательно отказывалась считать себя «евразийской» страной и решила, вместо этого, летом 2014 г. подписать Соглашение об ассоциации с Европейским Союзом.

Окончательное оформление, парафирование и грядущее подписание этого большого договора стали одними из тех событий, которые Россия использовала как предлог к аннексии Крыма и началу своей скрытой и «гибридной» войны против Украины в Донбассе, тем самым подорвав послевоенную европейскую систему безопасности. Многочисленные националистически настроенные российские интеллектуалы, а также некоторые западные наблюдатели, не колеблясь, интерпретируют весь этот конфликт как конфликт между «Западом» и «Евразией».

На этом фоне появление сборника статей *Между Европой и Азией: истоки, теории и наследие российского евразийства* под редакцией Марка Бассина, Сергея Глебова и Марлен Ларюелль, трех особенно опытных экспертов по евразийству, можно только приветствовать. Представленный сборник скорее фокусируется на том, что часто называют «классическим евразийством», то есть малоизвестном российском межвоенном эмигрантском интеллектуальном движении, а не на пресловутом так называемом «нео-евразийском» движении Александра Дугина & Ко. в постсоветский период.

Для того, чтобы в полной мере оценить новизну и ценность этих работ читателям потребуются некоторые знания о русской общественно-политической мысли в XIX-м и XX-м веках. Этот сборник посвящен отдельным аспектам возникновения в 1920-х и 1930-х годах ключевой идеи евразийцев о том, что существует некий третий континент между Европой и Азией под названием «Евразия» – интерпретация, отклоняющаяся от изначального геологического значения данного термина. Некоторые из глав, правда, также касаются отдельных предшественников и преемников «классического евразийства» с середины XIX-ого до начала XXI-го века. Но главы мало затрагивают вопрос современного евразийства, за частичным исключением исследования Марка Бассина об идеях российского псевдоучёного Льва Гумилева.

Каждая из собранных здесь работ представляет собой ценный вклад в исследование евразийства и вряд ли столкнется с какой-либо существенной критикой среди экспертов. Ольга Майорова обнаруживает в произведениях Александра Герцена ряд тезисов, предваряющих последующие центральные идеи евразийцев. Вера Тольц конкретизирует отношения между евразийцами и либеральной наукой России в конце царского периода. Сергей Глебов контекстуализирует появление текста, который был одним из основополагающих для классического евразийства – книгу Николая Трубецкого «Европа и Человечество». Марлен Ларюелль интерпретирует классическое евразийство как географическую идеологию. Стефан Видеркер демонстрирует, почему и как классическое евразийство было проявлением того, что Карл Поппер назвал «историзмом». Мартин Байсвенгер в своей углубленной интерпретации сочинений Петра Савицкого указывает на то, почему стоит обращать внимание не только на Савицкого как географа, но и на его религиозные и экономические взгляды. Игорь Тобарков прослеживает увлекательную интеллектуальную биографию Георгия Вернадского – возможно, самого известного евразийца того времени на Западе, который был профессором российской истории в Йельском университете в 1946-1956 гг. Харша Рам представляет футуристическое евразийство Романа Якобсона и Велимира Хлебникова. Хама Юкико описывает, какой отклик получили евразийские идеи в межвоенной Японии. Бассин объясняет появление нео-евразийской интерпретации российской истории Льва Гумилева как антитезис традиционной русской националистической историографии, а также анализирует ее последующую интеграцию в систему общего русского национализма, в рамках своеобразного синтеза этноцентризма и паннационализма.

Такой широкий охват евразийских идей от Герцена до Гумилева и обсуждение некоторых важных особенностей возникновения и эволюции евразийства делает этот сборник статей превосходным дополнением к недавним большим монографиям по евразийству и неоевразийству, например, Видеркера (на немецком языке) и Ларюелль (на английском языке). Несколько лет назад любой рецензент остановился бы на этом отзыве и искренне рекомендовал бы эту книгу для чтения специалистам, студентам современной российской истории, а также для об-

суждения на исследовательских семинарах по вопросам международной политической географии и европейской общественной мысли. Однако, поскольку недавно евразийство превратилось из маргинальной антиевропейской российской интеллектуальной моды в постсоветскую праворадикальную идеологию, стало составной частью официальной доктрины Кремля и играет определенную роль в интеллектуальной жизни других бывших советских республик, необходимо сделать одно критическое замечание.

Учитывая своеобразный политический контекст третьего периода президентства Путина, некоторые покупатели книги с таким названием будут, возможно, читать ее с интересом, который этот сборник не сможет полностью удовлетворить. Правда, Ларюелль рассматривает некоторые вопросы о соотношении между классическим евразийством и неоевразийством в своем коротком, но содержательном послесловии о «парадоксальном наследии евразийства в современной Евразии». Тем не менее, ее эссе слишком коротко, чтобы подробно ответить на различные естественно возникающие вопросы об относительном влиянии классического евразийства и крипто-расистских идей Гумилева на дугинский правый экстремизм и на сегодняшнее отношение России к Западу, а также к странам Центральной и Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии.

Является ли активное использование терминов «евразийский» и «евразийство» всего лишь игрой слов для многих сегодняшних российских общественных деятелей? Или же оно отражает заметную роль евразийских текстов или политических программ, позиционирующих себя евразийскими, в формировании мировоззрения высоких лиц, принимающих внешнеполитические решения в России? Как евразийские тезисы соотносятся с другой важной националистической идеологией, направляющей нынешнюю российскую внешнюю политику, с идеей так называемого «Русского мира»? Иными словами: была бы российская политика сегодня другой без появления классического евразийства, без влияния сочинений Гумилева и без недавнего подъема Дугина? Этот вопрос как таковой полностью, конечно, неразрешим. Но некоторые читатели, интересующиеся нынешней политикой России, возможно, будут ожидать некоторого обсуждения указанных тем.

Тем не менее, Бассина, Глебова и Ларюелль стоит поздравить с публикацией такого информативного сборника. Он представляет собой важный вклад в историю современной российской политической мысли и может помочь исследователям лучше понять некоторые исторические истоки недавних драматических событий на постсоветском пространстве.

Андреас Умланд